

Архив русской мысли

DOI 10.25991/VRHGA.2023.2.2.028

УДК 1(091)

*А. А. Почекунин**

«СОЛДАТ ХРИСТА» НА СЛУЖБЕ ИСТИНЫ (ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА)

Покровитель уже безнадежных дел,
он был величайшим духовным рупором феодализма.
Жак Ле Гофф. Цивилизация средневековой Европы
(1964)

Patron de causes déjà perdues,
a été le plus grand interprète spirituel de la féodalité.
Jacques Le Goff. La Civilisation de l'Europe médiévale
(1964)

Избавлением от оков «вавилонского пленения» русской богословской мысли можно назвать очередное появление в нашем интеллектуальном пространстве блестящей работы Владимира Николаевича Лосского (1903–1958). Получив ученую степень по истории Средних веков в Сорбонне, он продолжал слушать лекции профессора Этьена Жильсона, стараясь у него, по его собственным словам, «учиться строгости западной мысли, сочетая ее с тяготением в глубину». Он как нельзя лучше подготовился к сложному поприщу тончайшего осмысления средневековой духовной традиции. Этот неуывающий на протяжении всей жизни интерес к Средневековью и к средневековой мысли в частности, со всей интеллектуальной мощью и утонченной эрудицией, прекрасно отражен в предлагаемом читателям исследовании о французском средневековом богослове и мистике XII столетия Бернарде Клервоском (1091–1153).

* Почекунин Алексей Анатольевич, кандидат философских наук, независимый исследователь; roschekunin@mail.ru

Статья «Этюд о терминологии святого Бернарда», написанная Лосским в 1947 году, является частью теоретического замысла, который изначально предполагал создание терминологического словаря Бернарда Клервоского, составленного в азбучном порядке. Она представляет собою попытку истолковать, используя фрагменты богословских трудов «медоточивого доктора», бернардинский опыт «*unio mystica*». Мерилом действительно ярких и крупных мыслителей в большей степени являются не только и не столько теории и концепции, которые они сформулировали и разработали, сколько понятия, которые они создали, «выковали», как говорят французы. Эти понятия входят в рабочий словарь многих последующих поколений философов и богословов, со временем проникая и пополняя обыденный, повседневный язык. Бесспорно, такова судьба большого количества понятий, созданных богословским талантом и мистическим опытом Бернарда Клервоского.

Как писал «благодатный доктор» Августин Аврелий,

относительно того, что не может быть постигнуто нами ни разумом, ни опытным путем — тут следует верить безо всякого сомнения свидетелям, оставившим писания, уже удостоившиеся наименования Божественных: они могли видеть все по вдохновению свыше и даже предвидеть, созерцая или телесными очами, или духовно [1, с. 28].

Опыт мистического познания мира в целом требует смены оптики: умо-зрения на духо-видение. Увиденная таким образом красота, раскрывает ищущему путь и сама становится путем (*via*), который пронизывает все сотворенное («...*universitatis admirabilis pulchritude*» — «...удивительная красота вселенной [всей совокупности вещей]» [1, с. 36]), предлагая зреть красоту творения так, как ее видят очи самого Творца — прекрасной... [16, с. 202]. Исконно, согласно Плотину, мы любим высшую красоту, а посредством человеческой любви она нас к себе притягивает, являясь лишь отправной точкой мистического опыта. Подобное «испытание» позволяло святому Бернарду, так сказать, вы-прыгивать (*re-saltare*) благодаря выходу — через него, но вне его — к ди-станции (*Aus-trag*)^{*} [6, с. 235]. Другими словами, Я переставало быть источником взгляда, где «неподвижное Я фиксирует то, что видит», и превращалось в «точку прибытия, место встречи» [13, с. 262], где оно принимает то, что эта встреча ему дает, как писал Жак Лакан, «принимает образ» [4, с. 10]. Дистанция — не трещина отчуждения, а экстатическое место, хранящее нередуцируемую инаковость. Подобная встреча сотворенного с Творцом имеет место в акте благодарения. Ежедневное чтение Священного Писания, молитва и повторение псалмов являлись духовным питанием цистерцианского монаха. В одной из его многочисленных проповедей выражен опыт этого духовного упражнения:

Ибо на протяжении моей жизни, в месте моего паломничества, я имею обыкновение питаться и окормляться под Твоей защитой, посредством Закона, Пророков и Псалмов, на лугах евангельских; где я нашел покой среди Апостолов.

^{*} «Дистанция лишь потому позволяет удержать двойственность полюсов (*ди-*), что толкает их друг к другу и останавливает их падение, обездвигивая их во взаимном столкновении (*-станция*)» [6, с. 235].

Кроме того, святой Бернард исповедовал необходимость полного смирения тела и духа ради достижения Бога по ступеням лестницы смирения, подобного кенозису Бога, который в конце концов должен полностью совпасть с восстановлением собственных прав, ведущей к отвоеванию места, ежедневной духовной практики *vindicare sibi*^{*}, подобно той, о которой упоминает Сенека в первом письме к Луцилию.

Бернард *пытался* описать *испытанное* — как *опыт* непосредственного переживания бытия и жизни, а это становилось возможным в событии дарения: *позволить-быть* в дар.

Принять дар как данный означает, в конечном счете, принять дарение как способ данности, а не просто как источник, или онтическое событие, его присутствия: данное — это не просто материя; оно являет себя как способ Бытия [6, с. 270].

Это переживание данности напоминает «декартову» страсть^{**}, которая несет в себе трепет (вибрацию) дарения, что одно только и позволяет ему быть. Этот аффект Василий Кандинский называл «душевными вибрациями» [3, с. 43; 9, с. 80; 10, с. 151–171]. Уникальным примером проявления такого феномена и становится опыт Бернарда, который не только соприкасался с этим «испытанием», но и стремился его выразить на страницах своих сочинений. Этот мистический опыт, который с ним приключался, может быть выражен и охарактеризован марионовским термином «ослепленность», благодаря которому можно осознать смысл всего конечного как части тварного мира [15, с. 109–111]. Другими словами, данная таким способом феноменальность бытия как раз и состоит в том, что дает себя в своей сокровитности. Феноменальность мира, выраженная через сокровитное, недоступное, неявленное, непосредственно связана с опытом мистического «переживания».

По словам Хайдеггера,

бытие, благодаря которому все сущее отчеканено как именно такое сущее, бытие означает присутствие. <...> Позволение присутствовать проявляет свое собственное в том, что оно выводит в несокрытое. Позволить присутствовать означает — раскрыть, ввести в открытое [8, с. 84].

Феномен больше не может быть сведен к смотрящему на него Я. Когда совершается чистое событие, то оно не может быть предметно конституировано. В нем остается лишь след события, и оно обнаруживает, что само конституировано тем, что было ему вручено. Не я конституирую, а меня конституируют, Я становится в каком-то смысле субъектом, «сбитым» с толку (*interloqué*), поставленным под вопрос, субъектом по последнему зову (*Angeschprochene*) [13; 10, с. 184]. Такой феномен, который постоянно исполняется его созерцанием, — несоизмеримый, безмерный, чрезмерный, обогащенный, современный

* *Vindicare sibi* (лат.) — «отвоюй себя для себя самого» [11].

** Имеются в виду слова Декарта: «Предмет можно воспринимать только таким, каким его представляет первое впечатление, и, следовательно, нет возможности познакомиться с ним ближе» [2, с. 512].

французский философ и богослов Жан-Люк Марион называет насыщенным (*le phénomène saturé*) [7; 15].

Владимир Лосский пытается в этой статье проанализировать опыт Бернарда, который описывался им в режиме вечно присутствующего настоящего, события, содержание которого и раскрывается через его жизнь, жизнь как дар, как событие, изнутри которого сам тварный мир дарует себя, уводя в сокрытие истину своего сотворения, как приключение, что мистик «испытывает» на себе. «Речь идет о том, чтобы осмыслить не *то*, *что* дано, а то, что дано некое «дано», которым то, что дано, даруется именно как оставляемый дар» [6, с. 269]. Ничего не отнимая у сотворенного мира, а, напротив, сразу даровав твари доступ к совершенной красоте истинного: «И увидел Бог все, что Он сразу создал, и вот, хорошо весьма». Это означает, что сотворенное — не отделенное от твари нечто, а есть действительно приведение мира и человека к жизненной целостности через сопричастие Высшей Красоте. Человек начинает мыслить не «от первого лица», Я заменяется на пре-данность Дарителю, тем самым он становится конституированным свидетелем, работником абсолютной истины.

Выражаясь метафорически, получение мистического опыта Бернардом можно описать через библейский сюжет о восстании Иова против жливого идола истинного Бога, его царствования, преломленного в господстве князя мира сего. Ответом на «безумные речи» Иова становится, как пишет Владимир Лосский в другой своей замечательной статье «Господство и царство. Эсхатологический этюд» [5; 12], описание Богом двух библейских существ: бегемота, который назван «верхом путей Божиих» (*Иов 40:14*), и левиафана, «царя над всеми сынами гордости» (*Иов 41:26*). Они являются «поднебесными» силами ангелов-мироправителей, которые стали в своем бунте против Бога «духами тьмы». Показывая Иову господство, которому покорился человек, Бог предлагает ему сокрушить гордыню сатаны, связав левиафана, т. е. спасти себя своими собственными силами, ибо «десница твоя может спасти тебя» (*Иов 40:9*). Святой Бернад беспощадно преследовал гордыню, одновременно, красноречиво призывая «солдат Христа» ко Второму крестовому походу, но всегда воздавал хвалу руке, которая позволила ему стать и встать *au lieu de soi**, как это прекрасно сказано у Пауля Целана: «*Hier — das meint diese Hand, die ihr hilft, es zu sein*» [«Здесь — имеется в виду рука, которая помогает Вам быть»**].

Точнее говоря, основанием речи о Боге является язык Библии — как энхиридион, «оружие христианского воина», — руководство, которое Он дает нам, предавая себя. Ткань текста самого Бернарда создается на основе буквально

* *Au lieu de soi* (фр.) — «вместо себя / на месте самого себя». Так звучит заглавие одной из последних книг Ж.-Л. Мариона, в которой апробируются на материале «Исповеди» Августина почти все его концепции (Marion J.-L. *Au lieu de soi. L'approche de saint Augustin*. Paris: PUF (coll. «Épiméthée»), 2008). В конце этого года выйдет полный русский перевод этой книги (Марион Ж.-Л. Вместо себя: подход к Августину / пер. с фр. А. А. Почекунина; под научн. ред. Г. В. Вдовиной. — М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив (Серия «Книга света»)).

** Перевод Н. Л. Елисеева. Кстати, эта строчка стала эпиграфом к вышеупомянутой книге Ж.-Л. Мариона «*Au lieu de soi. L'approche de saint Augustin*», посвященной памяти кардинала Ж.-М. Люстиже.

истолкованных библейских сюжетов, которые позволяет ему предаться мистическому созерцанию, пребывание в котором раскрывает сокровенное слово, являя тем самым свою подлинность. В самом деле, то, что находим в Библии, пишет Жан-Люк Марион,

изначально пребывает не в определенном текстуальном корпусе и не в «мысли», а в не-текстуальном Логосе, который в них призывается и может быть отозван. На каждом шаге, чтобы не провалиться в пустоту, богослов или тот, кто выполняет его работу, должен обеспечить себе почву под ногами, всякий раз нащупывая ее лишь в последнее мгновение [6, с. 216].

Направление мистического пути святого Бернарда, с постоянно ускользающей и вновь обретаемой почвой, можно выразить словами Августина: «*Noli foras ire, in te redi, in interiore homine habitat veritas*» [Не ищи снаружи, вернись к себе самому, именно во внутреннем человеке живет истина], — которые для последнего имели один-единственный смысл: Христос живет во внутреннем человеке. Другими словами, такое чистое явление себя из себя можно назвать откровением. Теофания в опыте мистического созерцания ведет к парадоксу: невидимый взгляд, не отрываясь, глядит на меня с любовью [15; с. 127–128], той, что «излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам (Рим 5:5).

В этой замечательной статье, написанной по-французски, Владимир Лосский, знающий толк в герменевтическом ремесле и виртуозно им владеющий, как бы становится «единомышленником» Бернарда Клервоского, вместе с ним, органично соучаствуя в его мышлении, пытаюсь приоткрыть посредством бернардинского «*unio mystica*» «ангелам несведомое таинство», с тем чтобы любовь была обращена к Тому, кого любит и от кого приняла сам дар Любви, — к Богу, чтобы сделать понятным мистический опыт святого Бернарда современным читателям и помочь христианам свидетельствовать перед миром о неистощимом богатстве христианской истины. Как сказал апостол Павел, «знание надмевает, а любовь назидает. Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор 8:1–3). Только на любовь ответом будет дар знания Любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блаженный Августин. Энхиридион к Лаврентию, или О вере, надежде и любви. — М.: Сибирская Благовонница, 2011.
2. Декарт Р. Страсти души / пер. с фр. А. К. Сынопалова // Декарт Р. Избранные произведения. — Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1950. — С. 593–700.
3. Кандинский В. О духовном в искусстве. — М.: Архимед, 1992.
4. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я / пер. с фр. А. К. Черноглазова // Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. — М.: Русское феноменологическое общество, издательство «Логос», 1997. — С. 7–14.
5. Лосский В. Господство и царство. Эсхатологический этюд / пер. с фр. В. Решиковой // Лосский В. Богословие и боговидение. Сб. ст. — М.: Свято-Владимирское Братство, 2000. — С. 581–599.

6. Марион Ж.-Л. Идол и дистанция. Пять этюдов / пер. с фр. Г. В. Вдовиной // Символ (56). — Париж; Москва: Институт философии, теологии и истории святого Фомы, 2009.
7. Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен / пер. с фр. С. А. Шолоховой // (Пост) феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. — М.: Академический проект, 2014. — С. 63–99.
8. Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. А. С. Солодовниковой // Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. — М.: Высшая школа, 1991. — С. 80–101.
9. Ямпольская А. В. Феноменология в Германии и Франции: проблемы метода. — М.: РГГУ, 2013.
10. Ямпольская А. В. Искусство феноменологии. — М.: РИПОЛ классик, 2008.
11. Hadot P. Introduction aux «Pensées» de Marc Aurèle. La Citadelle intérieure. — Paris: Librairie Arthème Fayard, 2018.
12. Lossky V. Domination et Règne (étude eschatologique) // *Messenger*. — 1954. — № 17. — P. 43–55.
13. Marion J.-L. Le sujet de dernier appel, in: *Revue de métaphysique et de morale*. — 1991. — № 1. — P. 77–95.
14. Marion J.-L. *Étant donné. Essai d'une phénoménologie de la donation*. — Paris: PUF, 1997.
15. Marion J.-L. Le phénomène saturé, in: *Phénoménologie et Théologie*. — Paris: Criterion, 1992. — P. 79–128.
16. Marion J.-L. *Au lieu de soi. L'approche de saint Augustin*. — Paris: PUF (coll. «Épiméthée»), 2008.